

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

а время кампаніи, какъ извѣстно, очень непродолжительной, Мих. Ив. старался вникнуть въ подробности того, что именно представлялъ собою Мольтке, какъ человекъ и какъ глубокий военный мыслитель; узнать его всесторонне, познакомиться съ его характеромъ, нравомъ, образомъ мыслей ему казалось очень поучительнымъ и до конца осталось для него крайне интереснымъ.

Изучая его лично при близкихъ свиданіяхъ, которыя были возможны урывками и нечасто—Мих. Ив. не пренебрегалъ на досугъ заговаривать объ угрюмомъ старикѣ при встрѣчахъ съ людьми, хорошо и основательно знавшими его; гр. Голенищевъ-Кутузовъ кое-что преподавалъ о немъ, но это былъ человекъ, знакомый съ Мольтке почти поверхностно въ сравненіи съ тѣмъ, что нужно для того, чтобы дать болѣе глубокия свѣдѣнія объ этомъ, во всякомъ случаѣ, сложномъ человекѣ.

Болѣе, чѣмъ отъ кого бы то ни было, довелось изучить характеръ его въ бесѣдахъ съ такимъ виднымъ, бросавшимся въ глаза, стоявшимъ на верхахъ прусской администраціи дѣятелемъ, какимъ былъ генераль Фойхстъ-Ретцъ—давнишній другъ Вильгельма въ бытность его принцемъ, а впослѣдствіи королемъ и императоромъ; это былъ крайне способный человекъ, во многомъ сотрудникъ Мольтке и большая въ то время надежда Пруссіи. Онъ находился при главной императорской квартирѣ, въ качествѣ одного изъ высшихъ офицеровъ генеральнаго штаба; съ нимъ М. И. познакомился собственно въ походѣ, очень живо заинтересовался имъ самимъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г.

и немало впоследствии рассказывалъ о немъ. При первомъ же знакомствѣ, Фойхтсъ-Ретцъ заговорилъ горячо объ Россіи и говорилъ о ней такъ много, что Мих. Ивановичъ испыталъ то непріятное чувство, которое приходится испытывать, когда чувствуется, что новый знакомый силится наговорить то, чего вовсе не думаетъ и въ чемъ хочетъ притвориться изъ-за совершенно непонятныхъ побужденій и расчетовъ.

„Но тутъ же скоро я узналъ, говаривалъ Мих. Ив., что еще во время нашей Крымской войны этотъ симпатичный генералъ, пользуясь дружбой къ принцу Вильгельму, составилъ возлѣ него кружокъ сильныхъ людей, которые крайне рѣшительно и весьма успѣшно ратовали за поддержаніе, во что бы то ни стало, добрососѣдскихъ отношеній къ оставленной, забытой и пренебреженной всѣми Россіи.—Нисколько не скрывая, скажу, что былъ сильно сразу подкупленъ Фойхтсъ-Ретцомъ“.

Объ этомъ замѣчательномъ генералѣ рѣчь впереди.

Вспоминая подробности изученія качествъ и свойствъ Мольтке, Мих. Ив. всегда говорилъ, что мало прочесть его крупныя сочиненія — стратегическія вообще и военно-историческія въ родѣ русско-турецкой войны 1828/9 гг., „итальянскаго похода 1859 г.“ (австро-французская война), „датской войны 1864 г.“ и т. п., — не надо пренебрегать мелкими его записками, тѣмъ болѣе, что онѣ читаются легко и очень интересны, какъ продуктъ наблюденій и размышлений человѣка разносторонне развитого и солидно образованнаго.

„При всей нашей непріязни и даже ненависти къ націи, представителемъ которой является Мольтке, нельзя не отдать справедливости его высокимъ дарованіямъ“, говаривалъ Мих. Ив.

„Эту аксіому или пропись, добавлялъ онъ, я говорю по адресу тѣхъ, которые считаютъ, что если человѣкъ несимпатиченъ, а въ особенности если ненавистенъ, то и достоинствъ за нимъ признавать нельзя: такихъ мудрецовъ немало; въ нихъ больше всего развито стадное чувство: какъ можно, — тотъ и другой, и третій изъ моихъ пріятелей его бранятъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а я вдругъ похваляю; нельзя“. Какой-то лукавый почитатель великаго стратега у насъ на Руси, вѣроятно въ защиту себя противъ обнаруженія выработавшагося у насъ и засѣвшаго въ насъ непріязненнаго къ нѣмцамъ чувства, придумалъ или, вѣрнѣе, перехвативъ откуда либо, обрадовался возможности выдавать Мольтке за датчанина, тогда какъ по рожденію онъ съ головы до ногъ нѣмецъ и вообще въ основѣ до мозга костей нѣмецъ чистѣйшей пробы; онъ, правда, во многомъ представляетъ собою исключеніе передъ другими нѣмцами, что несомнѣнно даетъ поводъ выдѣлять его; но безпристрастіе, даже при сужденіи о злѣйшемъ врагѣ должно быть на первомъ планѣ; у лукаваго поклонника

какъ будто-бы не хватило силъ признать гениемъ нѣмца; слабое утѣшеніе изобрѣлъ онъ,—самообманъ: признаю-де я его гениемъ, но онъ датчанинъ, а не нѣмецъ“.

Былъ ли по рожденію нѣмецъ, датчанинъ, китаецъ или ашантій тотъ или иной государственный дѣятель,—важнымъ Мих. Ив. это не признавалъ; все же говорилъ онъ, хоть я и считаю это мелочью вообще, но выясненію настоящаго происхожденія такого всезахватывающаго человѣка, каковъ Мольтке, не могу не дать значенія; какъ, на примѣръ, могли бы мы пренебречь свѣдѣніемъ о томъ, что Наполеонъ былъ собственно корсиканецъ, а не чистый французъ;—а это играло пожалуй самую большую роль во всемъ ходѣ его карьеры и отношеній его къ Франціи: онъ былъ относительно французской массы „иностранецъ“, и это ему во многомъ развязывало руки; будь онъ прирожденный французъ, онъ никогда не былъ бы въ состояніи доходить до такой безцеремонности, какую онъ такъ часто проявлялъ въ теченіе всей своей жизни и службы (если она у него была); онъ былъ и остался до конца корсиканцемъ и человѣкомъ родового типа,—былъ безгранично слабъ къ родичамъ и совершенно не церемонился со всѣми остальными людьми¹⁾.

Съ такой стороны происхожденіе Мольтке, конечно, не могло имѣть значенія,—совсѣмъ другой складъ жизни Пруссіи,—это не Франція, а въ особенности не тогдашняя Наполеоновская Франція, близкая къ только-что пережитой революціи.

* * *

Нерѣдко слышанные, во время нахождения при прусской арміи, слегка насмѣшливые намеки нѣмцевъ на датское происхожденіе Мольтке дали Драгомирову случай спросить объ этомъ гр. Голенищева-Кутузова; съ его ли словъ, а можетъ быть изъ другихъ источниковъ, Мих. Ив. указывалъ не разъ, каковы были, болѣе или менѣе серьезные, поводы считать Мольтке датчаниномъ.

Прежде всего множество писемъ изъ Россіи въ 1856 году Мольтке адресовалъ на имя своей жены въ Данію, гдѣ она въ то время за отсутствіемъ его безвыѣздно проживала; изъ этого можно было, пожалуй, заключить, что онъ былъ женатъ на датчанкѣ;—но не было даже и этого. Мольтке родился въ Мекленбургъ-Шверинѣ, а отецъ его, человѣкъ не богатый, женатый на нѣмкѣ, находясь въ послѣдствіи на службѣ въ одномъ изъ прусскихъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, стоявшихъ на границѣ Шлезвигъ-Голштинской провинціи, принадлежавшей въ

¹⁾ См. статью М. Драгомирова „Замѣтки о Наполеонѣ I“, стран. 175 изд. книгопрод. Н. Я. Оглоблина. Кіевъ 1898.—Мих. Ив. нерѣдко въ разговорахъ какъ бы цитировалъ себя, ссылаясь на собственныя свои сочиненія.

концѣ XVIII и болѣе половины XIX столѣтія Даніи (до 1864 г., когда Пруссія, при главномъ участіи въ этомъ того же Гелльмута Мольтке, отобрала ее),—увлекся общимъ теченіемъ и, въ числѣ многихъ нѣмцевъ, на скопленные зильбельгроши, соблюдая въ полной мѣрѣ и чистотѣ всѣ законы и не обходя ихъ, купилъ въ той провинціи недорого стоявшее, небольшое, благоустроенное имѣнье.—Затѣмъ, всецѣло оставаясь прусскимъ подданнымъ и, конечно, не мѣняя ни на іоту своихъ нѣмецкихъ тенденцій, онъ, какъ владѣлецъ земли въ Даніи, отдалъ своего сына Гелльмута въ датскій—копенгагенскій кадетскій корпусъ.

Тамъ юноша блестяще окончилъ курсъ ученья, а для окончанія высшаго образованія отправился въ Берлинъ, гдѣ и поступилъ въ высшую военную школу, по окончаніи въ ней курса, онъ опредѣлился на службу въ 8-й пѣхотный прусскій или бранденбургскій полкъ, стоявшій въ провинціи этого названія,—въ городѣ Франкфуртъ (на Одерѣ), гдѣ онъ въ молодыхъ же годахъ женился на тамошней уроженкѣ.

Достаточно было окончить курсъ въ датскомъ кадетскомъ корпусѣ и явиться въ берлинскую высшую школу изъ копенгагенскихъ кадетъ, для того, чтобы получить отмѣтку,—это нечистый нѣмецъ, это пришлый, это датчанинъ, разсудили не только посторонніе, но и товарищи и воспитатели.

Во время пребыванія Мольтке въ Россіи, жена его проживала въ Шлезвигъ-Голштинскомъ имѣніи, еще въ ту пору находившемся въ предѣлахъ Даніи.

* * *

Опредѣляя происхожденіе Мольтке, М. И. Драгомировъ какъ бы пришелъ къ этому фактъ происхожденія Наполеона; по поводу этого нельзя не вспомнить, что онъ нерѣдко выказывалъ,—волью или неволью,—стремленіе если не сравнить Мольтке съ Наполеономъ, то сопоставить или вѣрнѣе положить ихъ на разные чашки однихъ вѣсовъ.

Отдавая себѣ въ этомъ отчетъ, онъ высказывалъ, что вообще параллели между ними нѣтъ: Наполеонъ весь геній, насквозь, Мольтке же лишь богатъ высокими дарованіями, человекъ въ высшей степени талантливый. Однако въ военномъ отношеніи, во всемъ, что касается военнаго искусства ¹⁾—это былъ геній. Подойдя такимъ образомъ, еще въ бытность свою при главной прусской квартирѣ, къ занимавшему его предмету сужденій, Мих. Ив. находилъ иногда для себя интереснымъ именно сопоставлять Наполеона съ Мольтке въ различныхъ частностяхъ.

Наполеонъ, говорилъ онъ, соображалъ гораздо „быстрѣ“, чѣмъ

¹⁾ Известно, что военной науки М. И. Драгомировъ не признавалъ. См. стр. 48. „Очерки М. Драгомирова“. Разборъ „Войны и Мира“. Кіевское изданіе Н. Я. Оглоблина, 1898 г.

Мольтке; Наполеонъ схватывалъ, а Мольтке понималъ; но кто изъ нихъ „лучше“ соображалъ, кто лучше примѣнялъ соображаемое—это вопросъ. По всѣмъ даннымъ Мольтке непосредственно извлекалъ больше пользы изъ глубоко понятаго, чѣмъ Наполеонъ изъ схваченнаго на-лету. Скоро Наполеонъ соображалъ и скоро терялъ нить быстро соображеннаго; зато, бросая схваченное, быстро тутъ же творилъ новое, ничего общаго съ брошеннымъ неимѣвшее, часто однако еще вѣрнѣе, лучше приводившее къ желанной, намѣченной имъ заранѣ цѣли ¹⁾; Мольтке глубоко втягивался въ понятое и вовсе не отцѣплялся отъ него до тѣхъ поръ, пока не извлекалъ изъ этого всю поставленную его цѣлями пользу; онъ билъ навѣрняка, но все это выходило грузно, медлительно. Вотъ въ чемъ кроется разница между всестороннимъ Наполеоновскимъ гениемъ и односторонними талантами Мольтке.

Такъ иногда Мих. Ив. отрывочно судилъ и рядилъ о томъ, что глубоко изучилъ и описалъ, въ чрезвычайно живыхъ очеркахъ, сопоставляя это съ тѣмъ, о чемъ удалось почти вскользь наблюсти за короткое время пребыванія среди арміи, направлявшейся къ побѣдамъ гениемъ тихаго, скромнаго, въ высшей мѣрѣ даровитаго человѣка, таланты коего проявились тогда въ всей полнотѣ.

Еще одно изъ многихъ сопоставленій Мих. Ивановича: Наполеонъ нерѣдко бывалъ мелочнымъ и всегда мстительнымъ ²⁾ Мольтке ни мелочности, ни мстительности не зналъ вовсе.

* * *

Много разъ случалось слышать, что М. И. Драгомировъ не чисто русскій человѣкъ; зная, что онъ происхожденія малороссійскаго, приписывали ему—если не полное сочувствіе сепаратному бреду, то нѣкоторое одобреніе тенденцій относительно обособленности Малороссіи; мало находилось людей, которые серьезно поддерживали этотъ вздоръ, но среди людей, находившихъ его „хитрымъ хохломъ“, находились такіе, которые твердили и повторяли это на разные лады съ добавленіемъ массы междустрочій. Иногда кое-что изъ этого доходило до него, и онъ лишь говорилъ: на всякій чихъ не наздравствуешься, родился я въ сердцѣ Малороссіи—Черниговскомъ Конотопѣ,—не можетъ же изъ меня вдругъ выйти какой-нибудь тамбовецъ, могилевецъ или калужанинъ, а тѣмъ менѣе бердичевецъ,—каждому свое.

Въ Мольтке этотъ „хохолъ“ въ сильной степени цѣнилъ то, что угрюмый, молчаливый старецъ всегда показывалъ по отношенію къ Россіи, какъ государству и какъ къ націи, непритворное расположе-

¹⁾ См. тѣ же очерки М. Драгомирова: „Наполеонъ I-й“, стр. 168—170.

²⁾ См. тѣ же очерки, стр. 177.

ніе, а главное въ своихъ отзывахъ о ней былъ всегда одинаково безпристрастенъ и глубоко справедливъ. Мольтке, высказывая на разные лады похвалы Россіи, видимо, смаковалъ свои отзывы, самъ радовался случаю ихъ высказать громко и отчетливо.

Россіей Мольтке всегда интересовался, а хорошо ознакомился съ ней за десять лѣтъ до Австро-Прусской войны—въ 1856 году, когда, состоя въ должности адъютанта у принца Фридриха-Вильгельма ¹⁾, прожилъ нѣкоторое время въ Россіи; въ письмахъ, которыя онъ посылалъ отсюда женѣ своей, онъ показалъ большую наблюдательность; видимо тогда—въ первые годы царствованія Императора Александра Николаевича,—онъ набрался понятій и свѣдѣній, какъ о Россіи, такъ и о лицахъ, стоявшихъ высоко на лѣстницѣ жизни обновлявшагося государства, развитію котораго онъ крайне доброжелательно симпатизировалъ и симпатично доброжелательствовалъ.

* * *

Тотчасъ послѣ представленія королю въ Берлинѣ, Мих. Ив. не могъ представиться ни наслѣдному принцу, ни принцу Фридриху-Карлу; они были въ отъѣздѣ, и возвращеніе ихъ въ Берлинъ ожидалось со дня на день; однако, какъ говорилось громко—официально, очередные смотры войскъ задерживали ихъ; шопотомъ, по секрету передавалось однако изъ устъ въ уста,—что оба принца были заняты поѣздкой въ Пиемонтъ; на нихъ было возложено королемъ сложное порученіе,—вести переговоры съ королемъ Викторомъ Эммануиломъ для склоненія его къ заключенію прусско-итальянскаго союза противъ Австріи. Пока благородные принцы преуспѣвали около не менѣе благороднаго короля ²⁾, Мих. Ив. успѣлъ съ гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ побывать у Мольтке.

Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ былъ старшій сынъ Вильгельма,—принца Прусскаго, вступившаго въ 1861 году на Прусскій королевскій престолъ и принявшаго въ 1871 году титулъ императора Германскаго.

Фридриху-Вильгельму минуло двадцать пять лѣтъ, когда онъ, въ 1856 году, былъ отправленъ въ Россію, гдѣ довольно долго прогостилъ, пользуясь гостепріимствомъ Императора Александра II; мать Царя,—Императрица Александра Федоровна приходилась родной теткой принцу,—она была родная сестра его отца Вильгельма.

¹⁾ Въ войнѣ 1866 года тридцатипятилѣтній Фридрихъ-Вильгельмъ,—наслѣдный принцъ Прусскій Фридрихъ, командовалъ 2-й арміей.

²⁾ Известно, что за Викторомъ Эммануиломъ, тогдашнимъ королемъ Италіи, въ теченіе всей его жизни сохранилось, данное ему народомъ, названіе, сдѣлавшееся похожимъ на добавленіе къ официальному титулу *il Re galant' uomo* (король-джентльмэнъ).

Высокообразованный ¹⁾, прекрасно воспитанный, обладавшій чуднымъ характеромъ, принцъ болѣе и болѣе развивался въ путешествіяхъ съ такими людьми, какъ адъютантъ его Мольтке, какъ другъ Вильгельма генераль Фойхтъ-Рецъ и другіе. Многого ждала отъ него Германія, много пользы ей принесъ онъ въ военномъ отношеніи, какъ рѣдкій военачальникъ, но судьба не судила ему положить въ жертву отечеству свои дарованія въ качествѣ государственнаго дѣятеля на престолѣ: сдѣлавшись въ 1861 году,—на тридцатомъ году жизни, наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ, а черезъ десять лѣтъ Германскимъ, и вступивъ на императорскій престолъ 10 марта 1888 года, онъ пробылъ на немъ лишь 127 дней—15 іюля того же года онъ умеръ отъ жестокой болѣзни:—развившійся въ горлѣ ракъ безвременно свелъ этого колосса въ могилу на 57 году его жизни.

Возвращеніе Наслѣднаго принца и принца Фридриха-Карла изъ Піемонта наполнило Берлинъ большимъ торжествомъ: распространившіяся повсюду свѣдѣнія о крайне успѣшномъ окончаніи ими возложенной на нихъ миссіи вызвали по ихъ адресу большія овація: Берлинъ, сбросивъ грустное, подавленное настроеніе, перешель къ искреннему ликованію и стремился на каждомъ шагу показать свою благодарность принцамъ, въ особенности Наслѣдному—„Фрицу“, какъ его вездѣ всегда ласково называли; онъ, со времени своего дѣтства, былъ отмѣннымъ народнымъ любимцемъ.

Много ходило разсказовъ тогда о ходѣ командировки, исполненной братомъ и сыномъ короля; говорили, будто-бы Викторъ Эммануилъ съ самаго начала переговоровъ былъ готовъ довести дѣло до желательнаго для Пруссіи конца, такъ какъ онъ ясно понималъ въ такомъ шагѣ и свою выгоду, но будто бы министры упирались и оказывали сильное сопротивленіе. Чернь, державшаяся республиканско-разбойничьяго разгула, въ своемъ озлобленіи противъ Австріи,—не различая иныхъ нѣмцевъ и причисляя ихъ всѣхъ къ одному лагерю,—шумѣла противъ Пруссіи; министры трепетали передъ ея разнузданностью, а потому не было никакой надежды на то, чтобы желанія Виктора Эммануила одержали верхъ.

Австрійскіе эмиссары и шпіоны съ большимъ искусствомъ разжигали народныя страсти и удерживали итальянскихъ министровъ отъ всякаго поползновенія сдѣлать шагъ въ сторону благоразумія въ ми-

¹⁾ Когда ему минуло 18 лѣтъ—въ 1849 году, для руководства его образованіемъ былъ назначенъ извѣстный нѣмецкій ученый Эрнестъ Курціусъ, авторъ многихъ сочиненій, между прочимъ популярнѣйшей „Греческой исторіи“—до сихъ поръ не утратившей своей цѣнности въ ряду подобныхъ изданій. Это былъ глубоконачитанный, разносторонне образованный много на своемъ вѣку путешествовавшій, историкъ, филологъ, нумизматъ и археологъ.

нуты наступившаго историческаго испытанія, требовавшаго быстро въ свою пользу рѣшенія и твердаго шага въ сторону нанесенія крупнаго удара загребательной политикѣ исконнаго врага своего — Австріи.

Масса свѣдѣній, ходившихъ въ то время въ Берлинѣ, увѣряла, что только лично наслѣдный принцъ своею величавой простотой и обворожительною манерой обращенія мало-по-малу спокойно успѣлъ очаровать и привлечь на свою сторону вліятельнѣйшаго изъ тогдашнихъ государственныхъ людей молодого Итальянскаго королевства — министра Менабреа. Послѣдній не только тогда услужилъ Пруссіи изъ желанія быть угоднымъ наслѣдному принцу, но навсегда сдѣлался усерднымъ поклонникомъ этого принца, а это дало первый толчекъ тому, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, до конца своей жизни, онъ не измѣнялъ Пруссіи; — про него говорили, что онъ былъ какъ бы заколдованъ чарами наслѣднаго принца.

Впослѣдствіи, частовспомыная объ этомъ, Мих. Ив. говорилъ, что если рассказъ о такомъ привлеченіи министра-президента Менабреа на сторону наслѣднаго принца и зародился въ пруссакахъ на почвѣ желанія польстить своему чувству любви къ „Фрицу“, то во всякомъ случаѣ эта любовь къ нему являлась совершенно понятною и вполне объяснимою.

Но въ этомъ крылось не только простое проявленіе чувства къ своему любимцу; проявленіе это ясно выдвигало затаенное убѣжденіе нѣмцевъ въ громаднхъ дипломатическихъ способностяхъ принца; въ томъ, что онъ былъ ими одаренъ, пруссаки очевидно получили увѣренность, всесторонне оцѣнивая результаты поѣздки „Фрица“ въ Пиемонтъ.

Лично М. Ив., изъ своего перваго знакомства съ этимъ чуднымъ принцемъ, кромѣ присущихъ ему чисто-военныхъ, — полководческихъ способностей, отмѣтилъ въ немъ „вполнѣ рыцарское отношеніе ко всѣмъ во всемъ“ и необыкновенное, изъ ряду выходящее, чувство отеческой любви къ солдату.

— „Въ этихъ дѣтяхъ, говаривалъ молодой принцъ: замѣчательно и беззавѣтно выработана въ видѣ долга привычка — терпѣть и переносить безропотно все самое тяжелое; они достойны наиболѣе высокхъ чувствъ любви и участливаго къ себѣ покровительства въ мелочахъ“. — Впослѣдствіи, въ теченіе всего похода, Михаилу Ивановичу на каждомъ шагу кидалась въ глаза неусыпная, доходившая до болѣзненности, заботливость „Фрица“ о солдатѣ и объ его нуждахъ.

Находились здѣсь нѣмецкіе языки, которые обращали это въ шутку и ехидно говорили, что начальникъ 2-ой арміи — наслѣдный принцъ Фридрихъ, всецѣло обратился въ интенданта при своемъ Начальникѣ штаба генералѣ Блюменталѣ; но объ этомъ впереди...

(Продолженіе слѣдуетъ).

. А. Е. К.

